в былине о Волхе Всеславиче, как он учился премудростям: «А и первой мудрости учился»... «обертываться ясным соколом»; ко другой-то мудрости учился он Волх «обертываться серым волком» и пр.— Сама летопись дала повод к баснословному преданию о Всеславе, «его же роди мати от волхвования...». Поэтому у Всеслава была душа вещая и переходила она в чужое тело (в друзе теле: прилагательное в краткой форме вм. в другом теле...)".[1]

Автору „Исторической грамматики русского языка" хорошо известны были доводы противников его толкования, однако эти доводы ничуть не убедили его. Высказав без колебаний свою аргументацию в пользу „в друзе", он лишь мимоходом, исключительно в целях осведомления учащихся, сообщает, что есть и другой взгляд: „Вместо въ друзѣ тѣлѣ иные читают въ дрьзѣ тѣлѣ, т. е. в дерзком или дерзновенном теле".[2]

Кто же прав? На чьей стороне истина? И можно ли в конце концов договориться на едином для всех толковании этого спорного места? Мне думается, что можно, но при одном непременном условии: рассматривать его не обособленно, а в свете всего того, что сказано в „Слове" о Всеславе Полоцком. Надо исходить из самого существа этого образа. А в чем же оно состоит? Во-первых, в том, что этот Всеслав — волшебник, колдун, оборотень, перевоплощавшийся в иные тела и передвигавшийся с невероятной быстротой; во-вторых, это князь, захвативший на краткое время киевский престол. Волшебник и узурпатор! Две стороны даны автором „Слова" в этом образе: мифологическая и историческая.

Отнюдь не одно речение „в друзе", („в дерзе") по-разному переводится из текстов, относящихся к Всеславу, но и „клюками подпръся о кони и скочи", и „ни хытру, ни горазду", и „обѣсися синѣ мьглѣ", и „вѣща душа". Разногласия велики. Одни указывают на одно значение древнерусского слова, другие — на другое. У каждого находится та или иная опора в словаре. А между тем, как мне кажется, этих неплодотворных споров можно было бы избегнуть, если бы любое из этих мест мы осмысляли не обособленно, а в свете единого образа — князя-волшебника. „Комплекс Всеслава" (да будет разрешено мне сие необычное выражение) должен во всех этих спорах окончательно решить, какое значение древнерусского слова надлежит нам принять и в том, и в другом, и в третьем случае.

Памятуя об этом, приступим к разбору названных мест в произвольном порядке.

* * *

Вряд ли можно сомневаться, что в древнерусском языке и во времена „Слова о полку Игореве" слову „хытрый, хитрый" присуще было, среди прочих, и то значение, которое близко стоит к современному, особенно в живом языке древней Руси. Так что трудно оспорить только на основе одних лексико-семантических соображений право некоторых переводчиков „Слова" придавать слову „хытр" обычное житейское значение — „хитрый, лукавый". И. И. Срезневский к слову „хытрый" дает множество значений, подкрепляя их соответственными текстами.[3] В его

---

[1] Ф. Буслаев. Русская хрестоматия. Изд. 12-е, М., 1912, стр. 99—100.
[2] Там же, стр. 100.
[3] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893.